

Он подошёл ближе и взглянул на лист. Это был список опоздавших, уже заполненный наполовину. В самом конце, свежей, ещё не высохшей тушью, красовались убористые иероглифы:

Е Цзинмо, опоздание на тринадцать минут, нарушение периметра.

В душе Е Цзинмо бушевала буря эмоций. Тысячи слов сплелись в единый клубок, который, глядя на Су Му, вырвался наружу одним-единственным слогом: «Чёрт.»

Китайский язык невероятно многогранен. Слово «чёрт», стоит лишь изменить интонацию, способно в точности передать чувства в самой разной ситуации.

И по тону Е Цзинмо было ясно — это была смесь досады и ярости.

Настроение же Су Му, напротив, было превосходным. Он повернулся и тронулся с места: «Ученик Е Цзинмо! Пошли!»

Е Цзинмо с ненавистью посмотрел вслед Су Му, догнал его и зашагал рядом, не сводя глаз с его улыбающихся губ. «Ты специально поджидал? Сколько времени простоял?»

Су Му признался с невозмутимым видом: «Ага. Специально. Минут пять, не больше. Ты появился чуть раньше, чем я рассчитывал.»

Е Цзинмо усмехнулся: «А если я с тобой не пойду? Тебе же меня не заставить?»

Су Му так же спокойно кивнул: «Верно, я — нет. Но директор Ван — запросто.»

...

Е Цзинмо не нашлось что возразить, и он поплёлся за Су Му в кабинет студсовета. Внутри уже сидело немало учеников, корпевших над объяснительными записками.

Это были те самые лица, что Е Цзинмо регулярно встречал по ту сторону забора. Увидев его, они словно обрели родственную душу и радостно замахали: «О, брат Е! Наконец-то! Мы-то знали, что тебя не минует чаша сия!»

Е Цзинмо: ...

Су Му нашёл чистый лист и ручку, протянул ему: «Садись где-нибудь и пиши. Двести символов — и свободен. Но если соберёшь три таких объяснительных, то прими мои поздравления — тебе выпадет честь убирать мужской туалет три дня подряд. Пять раз — однодневная экскурсия в тёмную комнату. Десять раз — выговор с публичным порицанием перед всей школой!»

Сказав это, Су Му перестал обращать на него внимание, уселся за свой стол и углубился в задачник по физике. Но не прошло и минуты, как одна из первокурсниц, член студсовета, подошла к нему с папкой и что-то тихо сказала. Су Му коротко ответил и вышел вслед за ней.

Е Цзинмо фыркнул: «Ха! Вот мужик!»

Покачав головой, он развалясь уселся на только что освободившееся место Су Му, закинул ногу на ногу и начал выводить на листе витиеватые каракули, сочиня «объяснительную».

Остальные ученики ютились кто на полу, кто за общими столами — один Е Цзинмо вёл себя так вальяжно и нагло!

Но окружающих это уже не удивляло — Е Цзинмо и не такое позволял себе.

Вскоре Е Цзинмо закончил свой «шедевр». К тому времени многие в кабинете, закончив писать, уже разошлись. Он же не спешил уходить, решив дождаться возвращения Су Му.

Вернувшись, Су Му увидел, что в кабинете остался лишь Е Цзинмо, восседающий за его рабочим столом.

Он сделал шаг вперёд, но не успел открыть рот, как Е Цзинмо его уже заметил.

Не дожидаясь, пока Су Му что-то скажет, Е Цзинмо резко встал, схватил его за руку, развернул и усадил в своё же кресло.

Движения Е Цзинмо были такими стремительными, что Су Му на мгновение замер, не успев среагировать. Е Цзинмо же, с хитрой усмешкой, упёрся руками в подлокотники кресла, склонился над Су Му и прошептал ему прямо в ухо: «Председатель! Жди!»

С этими словами он шлёпнул исписанным листком по столу, насвистывая какую-то мелодию, вышел из кабинета.

Е Цзинмо скрылся из виду, и лишь тогда Су Му постепенно пришёл в себя.

Ухо, куда только что попало тёплое дыхание, ещё слегка пощипывало. Он потер его.

Вскоре на его лицо вернулось привычное бесстрастное выражение. Он собрал с стола листок с размашистыми, фантастическими росчерками, положил его в стопку с другими такими же, аккуратно привёл стол в порядок и направился в свой класс.

Двести символов не отняли много времени, и Е Цзинмо вернулся в класс как раз к концу утреннего чтения.

«Ну, я с одного взгляда понял, что ты опоздал. Но сегодня почему так надолго?» — Цинь Но, достав из парты наполовину доеденную и уже остывшую лапшу, с громким хлопанием принялся её доедать.

У Фань, сидевший впереди, поставил на стол Е Цзинмо коробку с фудинскими мясными шариками.

Е Цзинмо, только что подразнив Су Му, пребывал в отличном настроении. Он похлопал У Фаня по голове: «Молодец, сынок! Батя тебя любит!»

Распахнув коробку и отхлебнув бульона, он пояснил: «Сегодня, когда я перелезал через Малые ворота, меня поймал Су Му и отвёл писать объяснительную.»

«Пффф! Кх-кх-кх! Кх-кх!..» — Цинь Но, услышав это, поперхнулся лапшой, и его лицо побагровело от кашля.

Е Цзинмо брезгливо скривился и отодвинул свою коробку с шариками подальше.

«Вчера ты подкладывал ему в миску всякую дрянь, не давал нормально поесть, а сегодня он тебя поймал и заставил писать объяснительную! За всё в этой жизни приходится платить!» — с явным злорадством поддел его Шэнь Цзюньян.

Е Цзинмо лишь презрительно хмыкнул в ответ и, не отрываясь, принялся доедать шарики.

«Ещё успеем! В следующий раз он у меня попляшет!»

«Похоже, нашему брату Е предстоит затяжная война с Су Му!» — наконец откашлявшись, заключил Цинь Но.

«Вау! Это что же, любовь и ненависть между школьным хулиганом и председателем студсовета? Горячо!» — проходя мимо, спортивный представитель Сунь Юйсян, жуя блинчик, бросил реплику для красного словца.

«Сестра Хуэй идёт! Сестра Хуэй! Быстро убирайте весь завтрак!» — кто-то вдруг крикнул.

«Чёрт!» — Е Цзинмо и Цинь Но моментально запихнули коробки с шариками и лапшой обратно в парту. Сунь Юйсян как раз доедал последний кусок блинчика, торопливо вытер рот и сунул обёртку в карман штанов.

Шэнь Цзюньян тоже лихорадочно распахнул окно, чтобы проветрить запахи.

Ровно через минуту в класс, отбивая дробь каблуками, вошла классный руководитель Бай Хуэй.

Войдя, она тут же нахмурилась. «У вас что, здесь столовая открылась? Лапша, фудинские шарики, блинчики, паровые булочки, пельмени...»

«Учитель, это всё из соседнего класса пахнет! Я сегодня утром лично видел, как их староста внёс целый огромный пакет с мясными булочками!» — Сунь Юйсян с каменным лицом начал отнекиваться.

Бай Хуэй фыркнула, не веря ни слову. «Думаешь, я дура?»

Сунь Юйсян почесал затылок и виновато ухмыльнулся.

Бай Хуэй, махнув на него рукой, повернулась к Е Цзинмо и Цинь Но. «Е Цзинмо! Цинь Но! Последнее предупреждение! Если ещё раз — будете завтракать у порога туалета!»

Цинь Но покорно заморгал: «Хорошо!»

Е Цзинмо тоже улыбнулся: «Без проблем, сестра Хуэй!»

«И ещё!» — Бай Хуэй устремила взгляд на Е Цзинмо. — «Что с тобой происходит? Почему каждый день опаздываешь? В десятом классе я ещё закрывала на это глаза, но сегодня утром ты сам видел — студсовет взялся строго, будут баллы снимать. Так что больше не опаздывай, ясно?»

Е Цзинмо внутренне вздохнул и покорно кивнул. Как раз в этот момент прозвенел звонок на урок, и Бай Хуэй, больше ничего не добавив, повернулась к проектору.

Оставшийся день не был столь насыщенным встречами, как вчерашний.

Кроме утренней поимки, Е Цзинмо больше не видел Су Му ни разу.

Даже когда он специально после первого урока поднялся наверх и прогулялся мимо первого класса, то разглядел лишь слегка захлавленную парту Су Му.

День старшеклассника пролетел незаметно, и вот уже подошло к концу время вечерней самоподготовки.

Вечерние занятия заканчивались в десять. Шэнь Цзюньян и У Фань для удобства жили в школьном общежитии. Цинь Но в общежитии не жил, но его каждый день забирали домой.

Попрощавшись с ними, Е Цзинмо сел на велосипед, подаренный бабушкой, и отправился домой.

Едва он открыл дверь, как его обволок аппетитный запах домашней еды.

«Сяомо, вернулся? Не устал?» — раздался мягкий, заботливый голос бабушки.

Е Цзинмо, наклоняясь, чтобы снять обувь, улыбнулся: «Ни капельки! Бабуля, а ты что сегодня такого вкусенького сготовила?»

С тех пор как у Е Цзинмо в старшей школе начались занятия до десяти вечера, бабушка, боясь, что внук ляжет спать голодным, взяла за правило каждый день готовить ему ночной перекус и ждать его возвращения.

Е Цзинмо несколько раз пытался её отговорить, но безуспешно, поэтому теперь старался возвращаться поскорее.

«Сегодня суп с лапшой, яйцом и помидорами! Наверное, проголодался? Сейчас принесу!»

Е Цзинмо помчался мыть руки и наперехват выхватил у бабушки миску: «Я сам, я сам! Осторожнее, не обожгись!»

Бабушка рассмеялась: «Да не такая уж я и недотрога! Ну как, вкусно?»

Е Цзинмо, с аппетитом втянув в себя первую порцию лапши, буркнул: «Ещё бы не вкусно! Всё, что бабушка готовит, — объедение!»

<http://bllate.org/book/16285/1467054>